

Юэ Вухуань ошеломленно замер и долгое время молчал. Он казался машиной, которая заглохла из-за ошибки. Даже выражение его лица стало жестким.

Теперь, когда все дошло до этого момента, как мог Сун Цинши все еще не понимать, что происходит? Его маленький ангел был суперспособным богом познания, которому не нужны были счеты, чтобы вести бухгалтерские книги. В последнее время он даже начал изучать высшую математику. В его глазах этот простой вопрос был примерно таким же, как один плюс один, и он мог выдать ответ за долю секунды.

Ань Лонг был ошеломлен его неразумным вопросом.

- Зачем сажать кроликов и фазанов в одну клетку? Если ты хочешь знать, сколько их там, тогда просто открой клетку и сосчитай, верно? Человек, который придумал такое, должно быть, идиот.

Сун Цинши проигнорировал дурака-математика рядом с ним. Красные лепестки лотоса в его руке разлетелись на бесчисленные плавающие ножи, с безграничным гневом устремляясь к «Юэ Вухуаню». Он хотел использовать свое разочарование от обмана, чтобы превратить эту подделку в фарш.

Он должен был сразу понять, что это не Юэ Вухуань.

Юэ Вухуань был упрямым и гордым человеком. Как он мог умереть, не убив тех, кто причинил ему боль? Даже если бы он действительно пережил вспышку своего безумия и был готов совершить самоубийство, он бы никогда не решился прыгнуть перед ним. Вместо этого он предпочел бы сделать это тихо, тайно исчезнув и не позволяя другим увидеть это уродство.

Сун Цинши был крайне раздражен и чувствовал себя полным идиотом. Но кошмарные сцены на «Террасе Золотого Феникса» полностью разрушили его рациональность и фактически заставили его потерять свое обычное спокойствие. Его неоднократно обманывали, и он выставил себя дураком.

К счастью, Юэ Вухуань его не видел. В противном случае, как он вообще смог бы показать перед ним свое лицо?

Сун Цинши спокойно оглянулся на него, стоявшего рядом с ним, и предупредил тихим голосом:

- Не говори Вухуаню.

Ань Лонг спокойно смотрел на него и ничего не говорил.

Фальшивый «Юэ Вухуань» превратился в разрозненные фрагменты пламени. «Терраса

Золотого Феникса» медленно растворилась в ничто, и их окружение начало разрушаться. Улицы, пешеходы и дома - все исчезло, как во сне. Затем массив реорганизовался. Вокруг стало темно, и отвратительный запах ударил им в ноздри.

Мир превратился в грязное и отвратительное болото, темное и вязкое, в котором плавали гниющие останки животных.

Сун Цинши прикрыл нос и сделал два шага назад. Он почувствовал, что запах показался ему знакомым, как будто он уже нюхал его раньше.

Его база культивирования снова была подавлена. Теперь он спустился к Построению Фундамента. Огонь Красного Лотоса в его руке превратился в маленькое пламя. Многие из его заклинаний высокого уровня нельзя было использовать.

Сун Цинши обдумал это и взмахнул несколькими маленькими язычками Красного Лотоса, превратив их в летающие огни. Паря в воздухе, они освещали окружающий пейзаж. Они наблюдали, нет ли какой-либо опасности. Когда огни достигли середины болота, там обнаружили бесчисленные колючие кусты ежевики, плотно обернувшие человека.

Это был Юэ Вухуань.

Маска и змеиный яд Маска Дьявола исчезли из-за подавления кошмара, открыв красивое лицо, которое было почти бескровно бледным. Шипы опутали его тело, разорвали его одежду и прокололи кожу в бесчисленных местах. Нижняя часть его тела утонула в грязном болоте. Он был похож на прекрасную добычу, попавшую в паутину. Он потерял силы бороться и мог только тихо ждать распада и смерти.

У Юэ Вухуаня был серьезный случай мизофобии. Он очень боялся грязных вещей. Этот мир был его кошмаром.

Сун Цинши был так расстроен, что у него перехватило сердце.

Он сорвал с себя лисью шубу, намотал на плечи и, не раздумывая, прыгнул в болотную жижу. Его ноги тонули в грязи, каждый шаг давался с трудом. Его безупречно белая мантия была испачкана большими полосами чистого черного цвета. Все пространство вокруг было пропитано невыносимым зловонием. Но ему было все равно.

Под руководством огней Красного Лотоса он, пошатываясь, добрался до кустов ежевики и протянул руку. Не обращая внимания на кровавые следы, которые эти шипы оставляли на его теле, он осторожно прикоснулся к раненой птице. Он похлопал его по лицу и тихо позвал:

- Вухуань? Вухуань? Проснись...

Длинные ресницы слегка дрогнули, и птица в терновой клетке наконец пробудилась от своего глубокого сна, открыв свои прекрасные глаза. Грязь на его теле и запах, ударивший ему в ноздри, почти заставили его потерять рассудок от боли. Ему снова захотелось упасть в обморок. Но он увидел белую фигуру - точно такую же, как в своей фантазии. Он уловил слабый запах лекарств среди всей этой грязи. Иллюзия и реальность переплелись, заставляя его немного сомневаться в том, где он находится. Он хрипло подтвердил:

- Цинши? Это ты?

- Это я! - Сун Цинши увидел, как он проснулся, и с тревогой сказал, - Не бойся. Я спасу тебя!

- Учитель, не подходите сюда, - Юэ Вухуань огляделся и сказал с болью, - Здесь очень грязно. А еще я очень грязный. Вы тоже испачкаетесь...

Сун Цинши успокаивал его, срывая ежевику:

- Не бойся! Это сон! Как только мы выберемся отсюда, ты больше не будешь грязным!

Он яростно обрывал колючие ветви. Его руки были до крови исколоты бесчисленными шипами. Затем он пришел в себя и обнаружил, что вел себя глупо, как обезьяна. У него был инструмент, но он забыл им воспользоваться.

Сун Цинши поднял руку, чтобы вызвать Огонь Красного Лотоса из воздуха. Осторожно обходя тело Юэ Вухуаня, он сжигал колючие ветви одну за другой. Затем он сорвал последние несколько ветвей, которые туго переплелись, впиваясь в его плоть.

Юэ Вухуань сбросил путы и мягко упал в его объятия.

Сун Цинши обнял его и быстро осмотрел его раны. Он обнаружил, что травмы на ногах и руках Юэ Вухуаня были особенно серьезными, почти до такой степени, что он не мог ими двигать.

Почему этот проклятый кошмар был таким реалистичным?

Он был так расстроен, что не мог удержаться от вопроса:

- Что же все-таки происходит?

- Я не знаю, - слабо сказал Юэ Вухуань, - Когда я проснулся, я уже был пойман в ловушку в этом грязном болоте. Мои силы исчезли. Мои руки и ноги были повреждены, и я потерял подвижность. Я хотел найти вас и долго боролся, но не мог убежать...

Это чувство беспомощного отчаяния было похоже на то, как когда-то в прошлом он был связан Печатью Акации. Он даже боролся до смерти, но когда открыл глаза, то снова оказался на том же месте.

Массив Кошмара, Пожирающий сердце, был похож на самую отвратительную игру, втыкая бесчисленное количество оружия в самые уязвимые части сердца. Каждый удар проливал кровь, каждый порез запечатывал горло. Это заставляло сойти с ума и путало суждения, пока человек не ломался полностью. Но когда он просыпался, то снова погружался в тот же бесконечный цикл.

Это не был массив для убийства, но он был еще более отвратительным.

Сун Цинши развязал халат из меха белой лисы и осторожно завернул в него человека в своих объятиях, чтобы скрыть всю грязь и мерзость.

- Так лучше? - спросил он.

Халат из меха белой лисы источал лекарственный запах этого человека, и он разбавлял зловонные испарения.

Юэ Вухуань зарылся головой в лисий мех и глубоко вздохнул. Он чувствовал себя намного лучше. Его разум постепенно прояснился, а конечности немного окрепли. Он посмотрел на грязное болото вокруг себя и закрыл глаза от боли. Он собирался вырваться из объятий Сун Цинши и медленно начал делать движения, чтобы спуститься, терпя эту глубоко укоренившуюся тошноту.

Сун Цинши прекратил его движения.

- У тебя слишком сильно болят ноги. Не спускайся... Закрой глаза, прикрой нос. Не смотри на то, что нас окружает. Позволь мне вынести тебя отсюда.

Он не должен уклоняться от этой задачи. Он положил человека, которого держал на руках, себе на спину.

Юэ Вухуань встревожился и хотел отказаться:

- Я могу идти сам.

- Нет, здесь слишком грязно, - Сун Цинши решительно отказал ему, - Тебе не нравятся эти грязные вещи. Так что ложись ко мне на спину и не дергайся.

Юэ Вухуань успокоился. Увидев, что он весь покрыт грязью, он сказал, чувствуя боль:

- То, что вы пачкаетесь, нравится мне еще меньше...

- Все в порядке, моя одежда уже грязная, - Сун Цинши увидел, что он перестал размахивать руками, и успокаивал его, пока медленно шел к берегу, - Моя одержимость чистотой не так плоха, как твоя. Эта вонь на меня почти не действует. Вполне терпимо. И, кроме того, не то чтобы эти грязные штуки не снимались. Когда мы вернемся на берег, нас вымоют и продезинфицируют.

Юэ Вухуань осторожно наклонился, обняв его за плечи, и уткнулся лицом в изгиб шеи, вдыхая этот успокаивающий аромат. Однако на сердце у него стало еще печальнее. Он осторожно спросил:

- Что, если... это что-то настолько грязное, что его нельзя отмыть?

Сун Цинши небрежно ответил:

- Просто вымой его еще несколько раз. В конце концов оно будет чистым.

Юэ Вухуань еще глубже зарылся лицом и захныкал:

- Я не могу вымыть его начисто...

Сун Цинши пообещал:

- Я помогу тебе.

Когда Юэ Вухуань услышал этот ответ, он не смог удержаться от смеха. Он знал, что они определенно думают не об одном и том же, но все равно чувствовал легкую нежность в своем сердце. Он тихо погладил мягкие растрепанные волосы Сун Цинши. Затем он тайком поцеловал его в мочку уха. Он хотел бы поддержать эту очаровательную маленькую штучку во рту. Но он не мог...

Мочки ушей Сун Цинши были чрезвычайно чувствительны, и он быстро приказал:

- Не трогай там. Щекотно.

Юэ Вухуань лег, как подобает, и сказал с улыбкой:

- Я просто был немного неосторожен.

Даже если они шли по грязной и вонючей грязи, пока они были вместе, это не казалось таким

уж невыносимым.

Сун Цинши почувствовал облегчение. Он вспомнил о том неловком поступке, который только что совершил, и не смог удержаться от вопроса:

- В одной клетке и фазаны, и кролики. Имея в общей сложности 35 голов и 94 ног, сколько фазанов и сколько кроликов?

Юэ Вухуань ответил без колебаний:

- Двенадцать кроликов и двадцать три фазана. Почему учитель спрашивает?

- Да так, ничего, - Сун Цинши был немного самодоволен, - Я знал, что ты бог познания.

Юэ Вухуань потрогал золотое украшение, прикрепленное к его волосам, и задал вопрос, о котором он думал с тех пор, как увидел его:

- Учитель, что это такое?

Сун Цинши наконец осознал, что все еще носит эту нелепую женскую одежду, и его уши покраснели. Он быстро объяснил, что только что произошло, неоднократно подчеркивая:

- Я тоже не хотел быть в этом нелепом наряде. Не смейся надо мной.

Юэ Вухуань мягко сказал:

- Не волнуйтесь, в моих глазах вы никоим образом не смешны.

Сун Цинши расслабился, все еще чувствуя себя немного обиженным:

- Вухуань, почему в твоём кошмаре я ношу женскую одежду?

Если Вухуань считал его недостаточно мужественным, он мог бы работать усерднее...

Юэ Вухуань был ошеломлен. Неужели это был его ночной кошмар?

...

Ань Лонг стоял на берегу, разглядывая этот знакомый пейзаж и это знакомое повествование.

Однако на этот раз благословенный главный герой этой истории изменился.

Он думал, что это его собственный сладкий сон. Во сне он обрел этого человека, обрел статус, к которому стремился всю жизнь, увидел тот пейзаж, к которому стремился каждую ночь. Он вернулся в самое счастливое место на своей памяти. Этот сон был даже лучше, чем фантазия, и ему не хотелось уходить.

Теперь все было не так...

В этом кошмаре он беспомощно наблюдал, как теряет все. Его территория медленно разрушалась. Даже воспоминание, которое он хранил как сокровище в своем сердце, воспоминание, которое он считал уникальным и непревзойденным, воспоминание, которое поддерживало его в бесчисленных смертельных ситуациях, несмотря на всю боль, даже это воспоминание было отнято, смазано чужим цветом.

Оказалось, что все его самодовольные усилия были бесполезны.

Оказалось, что все его самодовольные инвестиции были всего лишь шуткой.

Оказалось, что все его самодовольное увлечение было иллюзией.

Восемьсот лет обожания, восемьсот лет разврата - он знал, что это чувство подобно мотыльку, бросающемуся в пламя. Он ничего не получит. Он знал, что совершил ошибку, но все равно не мог отпустить. Он мог только притворяться собакой, заискивающе виляя хвостом и борясь со всем, что у него есть, умоляя о проблеске надежды.

Это сослужило ему хорошую службу. Он заслужил свое наказание.

Ань Лонг смотрел на двоих, разговаривающих и смеющихся на болоте, и его глаза защищало.

Давно потерянный голос в его сознании возник снова, как издевательский смех дьявола:

- Проснись, это твой кошмар.

<http://bllate.org/book/13609/1207043>